

Стилистические белорусизмы в переводах произведений М. Горьцкого на русский язык

Одним из центральных понятий теории и практики перевода является понятие адекватности. Многие исследователи считают, что невозможно достичь полного тождества между оригиналом и переводом. Оригинал остается единственным и неповторимым результатом индивидуального творчества художника слова и частью национального словесного искусства. Перевод может быть лишь адекватным, относительно равнозначным оригиналу литературным произведением, может бесконечно сближаться с подлинником, но никогда не сольется с ним, ибо у перевода есть свой творец, свой языковой материал и своя жизнь в языковой, литературной и социальной среде, отличающейся от среды подлинника [2, с.8].

Согласно концепции А.В. Федорова, адекватность перевода не сводится только к категориям семантической полноты и точности, она должна дополняться также стилистической эквивалентностью. «Полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему»[9, с.151]. Необходимо учитывать не только семантическое соответствие языковых единиц, но и их принадлежность к стилевым пластам. Несовпадение анализируемых единиц двух языков в семантическом объеме или их стилистическое несоответствие позволяет считать единицы, не совпадающие по своей семантике или стилистически со словами подлинника, **иноязычными элементами** в тексте перевода. Применительно к белорусской лексике, функционирующей в русских текстах, целесообразно использовать термин «белорусизм», в котором, во-первых, содержится указание на принадлежность лексики к конкретному (белорусскому) языку, во-вторых, этот термин соотносится с другими подобными образованиями (русизм, полонизм и т.п.), в-третьих, термин «белорусизм» предпочтительнее описательного типа «белорусское слово (белорусский языковой элемент) в художественной речи» своей краткостью [3, с.58].

Одной из отличительных особенностей переводов произведений М. Горьцкого на русский язык является широкое употребление в них белорусизмов (собственно лексических, стилистических, семантических). Использование белорусских языковых элементов свидетельствует о сознательном стремлении переводчиков познакомить читателя с элементами белорусского языка, подчиняется решению тех или иных идейно-эстетических задач. Но в текстах переводов встречается и такое употребление белорусских языковых элементов, которое снижает идейную и эстетическую ценность художественного произведения, т.е. в данном случае следует говорить об интерференции в художественном тексте.

Наблюдения над переводами произведений М. Горьцкого на русский язык свидетельствуют о том, что в процессе перевода на русский язык под воздействием белорусского языка в русском активизируются в качестве изобразительных средств лексические элементы, находящиеся на

периферии русской лексической системы. В качестве эквивалентов белорусских стилистически нейтральных слов в переводах произведений М. Горьцкого на русский язык употребляются слова, которые полностью совпадают по форме, частично или полностью совпадают в понятийно-смысловом содержании с белорусскими словами, но в русском языке принадлежат к другим стилям речи либо относятся к областной лексике. В словарях русского языка такие слова подаются с ограничительными и пояснительными пометами сферы их употребления, т.е. в русском языке они являются стилистически маркированными. Лексические элементы, употребленные в переводе на русский язык либо как художественно-выразительные средства, либо появившиеся как результат интерференционного влияния белорусского языка, будем считать **стилистическими белорусизмами**. В качестве соответствий белорусским стилистически нейтральным, общеупотребительным словам в переводах произведений М. Горьцкого используется разговорная, просторечная, поэтическая, а также областная лексика. Таким образом, учитывая характеристики русских слов, можно выделить следующие группы лексико-стилистических белорусизмов: 1) белорусизмы разговорные, 2) просторечные белорусизмы, 3) белорусизмы поэтические, 4) областные. Рассмотрим функционирование различных групп стилистических белорусизмов в переводах произведений М. Горьцкого, их художественную значимость и уместность в зависимости от их употребления в разных видах речи. К **разговорным лексико-стилистическим белорусизмам** относятся слова белорусского языка, русские соответствия которым относятся к разговорному стилю. Разговорные лексико-стилистические белорусизмы в переводах произведений М. Горьцкого представлены словами различных лексико-грамматических разрядов: именами существительными (*гвалт, думка, закуток, скарб, смак, хлопец, хлопчик, цигарка* и др.), глаголами (*волочь, дивиться, переиначить, поспеть, скликать*), наречиями (*загодя, неведомо, силком*), реже – именами прилагательными (*несусветный*), безлично-предикативными словами (*любо*). Основанием для отнесения к разговорным лексико-стилистическим белорусизмам слов *гвалт, закуток, скарб, скликать* является несовпадение объемов их значений в русском и белорусском языках, а также их различная стилистическая характеристика (в русском языке эти слова относятся к разговорной лексике). К разговорным лексико-стилистическим белорусизмам относятся также слова *любо, насилу, неведомо, несусветный, переиначить, поспеть*. В своих значениях они полностью совпадают со значениями белорусских слов *люба, насілу, няведама, несусветны, парайначыць, паспець*, являющимися в белорусском языке стилистически нейтральными, но не совпадают в своей стилистической характеристике.

В переводах произведений М. Горьцкого зафиксировано большое количество слов белорусского языка, русские соответствия которым относятся к просторечным словам. Такие слова будем относить к **просторечным лексико-стилистическим белорусизмам**. Просторечные стилистические белорусизмы в переводах представлены чаще именами существительными (*быдло,*

гостинец, девчина, любота, гулянки, лихо, мастак, полюбовница, хвороба, шельма и др.), глаголами (брехать, гомонить, помереть, притулиться, пытаться, реже – местоимениями (нашенский, ихний), именами прилагательными (давешний), наречиями (аккурат).

К разряду стилистических белорусизмов относятся также слова, соответствия которым в русском языке принадлежат **к областной лексике**. Этот разряд стилистических белорусизмов представлен в переводах произведений М. Горецкого только именами существительными. Полностью совпадают по своей семантике, но различаются сферой употребления слова русского и белорусского языков **бабка** (“десять снопов, составленных в кучу для просушки и покрытых раскрытым снопом”), **вечерять** («ужинать»), **горелка** («крепкий спиртной напиток»), **зыбка** (“колыбель, люлька”), **корец** («ковш»), **молодица** (“молодая замужняя женщина”), **поветь** (“навес в крестьянском дворе для хранения хозяйственного инвентаря, а также помещение под кровлей нежилой постройки”), **примак** (“зять, принятый в семью жены, живущий в доме жены”), **стежка** (“тропинка, дорожка”). В русском языке перечисленные слова относятся к областной лексике, в белорусском языке они являются общеупотребительными и стилистически нейтральными.

Наблюдения над переводами произведений М. Горецкого на русский язык показывают, что стилистические белорусизмы используются в разных видах речи: в авторской, прямой и несобственно-прямой речи. Использование стилистических белорусизмов в прямой и несобственно-прямой речи направлено, как правило, на конкретизацию речи персонажа с точки зрения ее языковой принадлежности, а также с точки зрения выражения в ней эмоционального состояния персонажа, его субъективного отношения к тому, о чем или о ком идет речь: «**Поспеешь с козами на торг**», – **живо ответил ему Лявон** [4, с.29]. «**Никогда без гвалта не обходится**», – **говорю сквозь зубы** [4, с.320]. **А отец лежал на полатах с мокрым рушником на лбу и, заглушая боль, ругался**. **Письма девкам вздумал писать... Известно, мужицкая дурость. Одно только – люди будут скалиться да разбрешут по всей волости**” [4, с.61]. “...**И какое, не при нас будь сказано, лихо** гомрешилось ему,” – сообщалось далее в записке [5, с.18]. “**Лихо** их знает, как они тут моются”, – **думал он** [4, с.31]. “**Хвароба на вашу голову!** – кричит она. – **А, мамочки! Вот прилип как смола... Пойду спытаю хозяйку...**” [4, с.166]. – **А вон там, просим пана, там, на углу, за криницей, живут Турботные** [5, с.165]. «**Видно, от учености это, – подумали они оба, – все ж ученым приятней пить пиво, чем простую горелку**» [4, с. 37]. “**И легко им, – думал Лявон дальше, – выпаливать в глаза: пан!** – когда они знают груз вековой своей мужицкой работы, а пусть бы они увидели боль в сердце и печаль в мыслях у меня, **примака** в том “панстве” и пасынка в деревне, – тогда бы они скорее согласились бы ехать с сошкой на родные полоски, чем быть вот таким “паном” [4, с. 34]. – **Ну, сваток! Дай боже... выпьем же хоть пива, если вы горелку не уважаете...** [4, с. 36]. – **Чахоточная нитки на красна** только кончила сновать, **развесила сушить, а свинья их изжевала и кое-где порвала...** [4, с.137]. – **А то и не знаем, как там наши хлопчики** воюют с проклятым германцем [4, с.316]. **Любо** здесь! **Любо** осознавать величие

самого святого труда – труда хлебороба. **Любо** чувствовать силу в теле и здоровый дух [5, с. 31]. “Да здравствует война – уничтожение скотов скотами! Мы не люди, мы **быдло**...” [4, с.253]. На современной войне – все герои или, точнее говоря, нет героев, а есть более или менее дисциплинированное **быдло** [4, с.269]. – **Доброе здоровье! Садитесь *вечерять!*** – вежливо отвечает дед. – **Вечеряйте** на здоровье! – заканчивает обычное приветствие отец [4, с.166].

Наиболее часто стилистические белорусизмы различных групп употребляются в авторской речи. В авторской речи преобладают разговорные и просторечные белорусизмы, реже – областные. Ср.: разговорные стилистические белорусизмы: Хомку **волок** Петрок – и всю дорогу подишучивал над первой Хомкиной ярмаркой... [4, с.189]. Пил столько, что сват и в особенности сватья даже **дивились**, что так ему понравилось Лейзерово пиво [4, с. 37]. Все упорнее, как о некоем чуде, вынашивают асмоловцы **думку** – о земле, о воле [4, с.143]. **Чтоб не сидеть дальше *неведомо*** зачем на морозе, Лявон брал палку, подхватывался и бежал, не разбирая дороги, со всех ног... [4, с. 24]. Хотя они и говорили по-немецки, но язык знали плохо, поэтому все **переиначивали** на еврейский лад [4, с.463]. Страх обуял **хлопчика** [4, с.198]. А наши батарейные «горохи» бегали озабоченные, ...рассаживали по вагонам, до предела забитым всякими ящиками и седлами, своих жен и детей, подавали им в руки свой упакованный **скарп** [4, с.209]. **Насилу** удержался [4, с.432]. А он не спеша свернул **цигарку** и стал огонь **высекать**. [5, с.121]. Просторечные белорусизмы: ...на форменное пальто уж очень **брешут** собаки [4, с.23]. А стоя и поглядывая, как нищие у порога, **гомонили** они об этом панском и машинном мире то с нарочитым, искренним восхищением, то с беспричинной, казалось бы, и очень злой руганью [4, с.97]. Неожиданно потеряли всякую привлекательность и другие **гостицы** – большая конфета в золоченой обертке с бахромой, связка желтых булочки... [4, с. 184]. Потом подоспели сватьяны братья и красивая **девчинка** – племянница свата [4, с.37]. Иван играет на гармонии, Тимох же на дудке **мастак** [5, с.31]. **Полюбовница** Сьюрука и подушечку ему принесла, и мягкое ватное одеяло дала накрыться [4, с.263]. Но **помер** дед, **померли** отец с матерью [5, с.181]. “Пар-баня, легкий дух... Добрый вечер» – и огляделся, где бы **притулиться** [4, с.31]. Областные белорусизмы: Кое-где еще стояли **бабки** овсяных снопов [4, с.120]. **Молодица** остолбенела, с ужасом вытаращила глаза, тупой заступ, которым корни копала, выпал из рук на землю [5, с.47]. И живут старики в своем доме с одной дочкой и зятем-**примаком** [4, с.164]. ...вот уже протоптали по двору **стежки** к клетки и сенному сараю [4, с.179].

На наш взгляд, в авторской речи встречается как мотивированное, так и немотивированное употребление стилистических белорусизмов. Использование отдельных областных белорусизмов помогает переводчику убедительно и этнографически достоверно воссоздать изображаемую в оригинале действительность. Однако использование областных стилистических белорусизмов в этой художественной функции единично: Кое-где еще стояли **бабки** овсяных снопов [4, с.120]. Рядом с ней (кроватью) – **зыбка**, в которой лежал Юзин первенец Наполеон... [4, с.430]. Отыскал

впотьмах **корец** на посудном шкафчике и вышел в сени напиться [4, с.111]. Зашел во двор, взял под **поветью** резгины и отправился на гумно [4, с.317]. Сымончиха вышла из сарая, сжимая в худых руках перед высоким своим животом изжеванные нитки – губки две-три, основанные на **кросна** еще днем [4, с.137]. Ниже, в широком зеленом суходоле, уже в более поздние времена поставили добрые люди над **криницей** часовенку [4, с.140]. В большинстве же случаев чрезмерное употребление разговорных и просторечных лексико-стилистических белорусизмов в авторской речи существенно влияет на стилистическую окраску отдельных фрагментов художественного текста; особенно ощутимо это проявляется тогда, когда в одном предложении «сталкиваются» несколько белорусизмов: Слово «беларусы» выкрикивал он что было духу, дико, пронзительно, словно **склика** других таких же невратеников на **несветный гвалт** [4, с.25]. Широкое употребление разговорных и просторечных стилистических белорусизмов в авторской речи объясняется, очевидно, стремлением переводчиков наиболее полно приблизить текст перевода к тексту подлинника. Однако такое формалистически точное воспроизведение в переводе некоторых элементов белорусского языка делает текст перевода стилистически неполноценным, что позволяет говорить о лексико-стилистической интерференции. Как факт семантико-стилистической интерференции можно рассматривать, например, использование в переводе слова **дол**. Совпадают в графическом и фонетическом оформлении бел. **дол** и рус. **дол**, но имеют совершенно разные значения: бел. **дол** – «низ, земля», «яма, открытая могила для захоронения» (разг.). В русском языке слово **дол** употребляется в значении «ровное пространство вдоль речного русла; удлинённая впадина между гор или в холмистой местности», в словарях подается со стилистической пометой «традиционно-поэтическое» и имеет стилистически нейтральное синонимическое соответствие **долина**. Слово **дол** употребляется в переводе в значении, характерном для белорусского языка, – «низ, земля»: *В листве на ветвях светлеют, наливаясь румянцем, яблоки, густо сплелись черные, созревшие сливы, свисая к **долу*** [4, с. 147]. Слово **жито** в русском языке относится к диалектной лексике и употребляется как название в одних местах – ржи, в других – ячменя, в третьих – вообще всякого хлеба в зерне на корню. Бел. общеупотребительное слово **жыта** имеет значения «однолетнее растение семейства злаковых, зерно которого идет на выпечку хлеба», а также «зерна этого растения». Русское соответствие этому слову – **рожь**. Несовпадение стилистических характеристик и несовпадение в семантических объемах позволяют отнести слово **жито**, употребленное в переводах, к семантико-стилистическим белорусизмам. В переводах слово **жито** употреблено в значении «рожь». Более приемлемым, на наш взгляд, было бы употребление в переводе русского соответствия **рожь**. Ср.: *Когда дед был в силе, а жили зажиточней, то ел и он вволю хлеба с салом, намолотив до завтрака овин **жыта*** [4, с. 146]. *Дед-домосед(...) взвалил на худые, согнутые жизнью плечи тяжелую плаху и понес по конопляной стежке на гумно – сушить в овине **жито**, первый овин нынешнего года* [4, с. 145]. *По обе стороны дороги стояло **жито** – в копнах и еще на корню, не*

успели убрать. [4, с. 20]. Слепое калькирование “белорусской языковой стихии” может приводить к искажению содержания повествования. Примером того служит употребленное в переводе просторечное русское слово **поптрафить**, лишь частично совпадающее в фонетическом оформлении с белорусским **патраціць** и совпадающее с ним в значении “удовлетворить кого-н., сделав что-н. приятное, нужное”. Бел. **патраціць**, помимо “угодить”, имеет значения “попасть”, “оказаться где-н., попасть куда-н.”, что соответствует значению русского слова **попасть**. В тексте перевода вместо слова **попасть** употреблено слово **поптрафить**: *Солдат не дал мне ответить. Тихо, но выразительно, с ехидцей, произнес: “Не туда поптрафили...”* [5, с. 262]. Подобные словоупотребления искажают содержание и затрудняют восприятие произведения.

Существуют различные точки зрения на проблему использования в переводах стилистически окрашенной русской лексики. В статье «Кораблю поэзии – большое плавание», посвященной проблемам перевода белорусской поэзии на русский язык, Микола Арочка как бы полемизирует с И. Ласковым, автором статьи «В неотшлифованном зеркале»: «..мне до этого времени и вправду казалось, что нет большого греха, если переводчик для «белорусского колорита» переносит такие, понятные и русскому читателю слова, как *жито, хата, криница, дергач, колыхать* и т.д. Оказывается, это недопустимые диалектизмы, просторечия, анахронизмы – в них, по Ласкову, чуть ли не главная причина «несовременного» звучания переводов...» [1, с.176].

Белорусский исследователь А. Яскевич придерживается мнения, что самый полноценный эквивалент “самавітаму” белорусскому слову “можно отыскать только в запасниках русского диалектного языка” [12, с. 152]. Основной причиной неадекватного перевода с белорусского языка на русский, считает исследователь, являются исторические условия развития русского и белорусского литературных языков. Русский и белорусский литературные языки при всей их близости шли в своем формировании чуть ли не обратными путями [11, с.85]: русский литературный язык развивался на базе книжных традиций, в то время как белорусский язык развивался на основе народного языка. В белорусской лексике, по его мнению, на первом плане закреплены «предметно-конкретные», «бытовые» значения, поэтому переводчик должен это почувствовать, обратить внимание на это и в поисках необходимых языковых эквивалентов обращаться к соответствующим стилистическим пластам своего языка, вводить их в употребление, и эти пласты в русском языке лежат, по мнению исследователя, глубже, в диалектах и говорах [11, с.87].

Противоположных мнений по проблеме использования русской стилистически маркированной лексики придерживаются А.А. Гируцкий, В. Коптилов, И. Ласков, В.П. Рагойша и др. исследователи.

Главная причина некачественных переводов, по мнению А.А. Гируцкого, заключается не в “предметности” и “бытовизме” белорусской лексики, а в калькировании белорусской языковой

стихии, т.е. обуславливается интерференционными процессами [3, с.102]. В.П. Рагойша, говоря о лексическом переносе как о характерной особенности перевода всех близкородственных языков, подчеркивает, что лексический перенос имеет желаемый эффект только при том условии, когда одни и те же слова-заимствования или местные речения употребляются в том и другом языках на равных правах [8, с.73]. Исследователь указывает также на то, что «в близкородственный перевод нередко привносится излишнее количество слов и выражений исходного языка. Имеются в виду не только отдельные случаи, когда этот перенос обусловлен определенными художественными задачами (созданием национального колорита, передачей авторского стиля и т.д.), а факты языковой интерференции, при которой даже опытные переводчики путают границы своего и чужого языка» [8, с.77-78]. И. Ласков, исследуя переводы белорусской поэзии на русский язык, приходит к выводу, что, переводя с белорусского языка, переводчики словно забывают начисто богатейшую русскую синонимику, используя диалектизмы и просторечие, сообщают тексту «областнический, просторечный, “деревенский” характер» [7, с.76]. Исследователь приводит примеры часто переносимых в русский текст белорусских слов, соответствия которым в русском языке имеют иную стилистическую окраску, и приводит их литературные соответствия. Большинство таких слов зафиксировано и в переводах на русский язык произведений М. Горьцкого: *жито* (*рожь*), *хата* (*изба*), *криница* (*родник, ключ, источник*), *хвороба* (*болезнь*), *червоный* (*красный*), *каменья* (*камни*), *девчина* (*девушка*), *брехать* (*лаять*).

Исследование переводов произведений М. Горьцкого на русский язык свидетельствует о том, что немотивированное использование лексико-стилистических белорусизмов ведет к искажению идейно-художественных особенностей оригинала, существенно влияет на стилистическую окраску художественного текста, обилие диалектной лексики вносит в текст перевода нарочито областническую окраску. Необходимо помнить, что переводы художественной прозы должны ориентироваться прежде всего на литературный язык; необходимо, чтобы заимствования (белорусизмы) включались в русский перевод в соответствии с нормами современного русского литературного языка. Использование стилистически окрашенной лексики должно быть идейно и художественно обусловленным, подчиняться решению тех или иных художественных задач. В противном же случае следует говорить о межъязыковой интерференции.

Литература

1. Арочка М. Кораблю поэзии – большое плавание // «Неман», 1975. № 6.
2. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М., 1978.
3. Гируцкий А.А. Русско-белорусский худ. билингвизм: типология и история, языковые процессы. Мн., 1990.

4. Горецкий М. Избранное: Повести, роман-хроника. Мн., 1989.
5. Горецкий М. Красные розы. Избранное. Мн., 1976.
6. Копанев П.И. Вопросы истории и теории художественного перевода. Мн., 1972.
7. Ласков И. В неотшлифованном зеркале // Мастерство перевода. Сб. 9. М., 1973.
8. Рагойша В.П. Проблемы перевода с близкородственных языков: Белорусско-русско-украинский поэтический взаимоперевод. Мн., 1980.
9. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (Лингвистический очерк). М., 1968.
10. Махонь С.В. Взаимодействие лексических систем в условиях белорусско-русского двуязычия (на материале прозаических переводов с белорусского языка на русский). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Мн., 1987.
11. Яскевіч А. Грані майстэрства. Мн., 1974.
12. Яскевіч А. Сумежжа: Мова, пераклад, вытокі прозы. Мн., 1994.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

Мормыш Л.С. Стилистические белорусизмы в переводах произведений М. Горецкого на русский язык

В статье рассматривается функционирование различных групп стилистических белорусизмов в переводах произведений М. Горьцкого, показана их художественная значимость и уместность в зависимости от их употребления в разных видах речи.

Библиогр. – 12 наим.

SUMMARY

In the article the author reviews functioning of different groups of stylistic belorussizms within translations of works by M. Goretzky, shows their artistic importance and appropriateness depending on their usage in different aspects of speech.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ